

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОЙ ОЦЕНКИ ПОЛИТОЛОГИИ

В статье представлен краткий анализ политологии, с точки зрения истории и философии науки. Отмечен целый ряд непродуктивных тенденций, свойственных развитию данной научной отрасли, что на современном этапе привело к тотальному господству идеографии в политологии и значительному замыканию последней на предмете науки. Указанные обстоятельства выступили основанием для выдвигания тезиса о «втором издании» старого институционализма, а также ввода нового научного термина – политография, обозначающего направление, которое включает большинство современных исследований в области политической науки. Тезис о политографии дополняет представленный в статье краткий семантический критический анализ категории «дискурс».

Ключевые слова: политология, политография, номотетика, идеография, эмпиризм, объект науки, предмет науки, политографическая субъективистика, политографическое хроникерство, дискурс.

1. Основные проблемы политологии на современном этапе

Нынешнее состояние политологии как раздела науки представляется не только весьма не однозначным, но и вызывающим отдельные опасения. «Особенностью политической науки сегодня является растущий эмпиризм, потеря универсальности, плюрализм политических теорий, широко отмечаемый в литературе» [13. С. 625]. Вместе с тем, «отличительной чертой экономической информации, то есть информации, производимой наукой как отраслью системы экономической коллаборации <...>, является информация, так или иначе, связанная с сущностью того или иного явления. Именно подобная специфика делает научную информацию *высоко универсальной* (курсив наш. – В.В.) и пригодной для разрешения широко круга проблем, затрагивающих явления, связанные с соответствующей сущностью» [4. С. 127]. Поэтому перечисленные непродуктивные тенденции в политологии свидетельствуют в пользу того, что таковая уже претерпела и продолжает претерпевать *замыкание сама на себе*, ведущее к ее отрыву от объективной реальности и вырождению как науки.

Поистине наиболее ярким выражением неэффективности развития политологии выступает на сегодня *тотальное господство идеографии* в данной области. Это, в частности, отчетливо проявляет себя в такой отрасли политологии, как этнополитическая конфликтология. Так, рассмотрение этнополитических конфликтов (далее – ЭПК), «являющееся первоосновой

* © Васильев В.А., 2016

Васильев Вячеслав Алексеевич - аспирант кафедры государственного и муниципального управления Самарского университета.

эффективного управления ими, зачастую сведено к описанию характеристик ЭПК как процесса, а также конкретных задач, стремление к решению которых было вложено в ЭПК» [4. С. 126]. Отсутствие должного подхода к проведению анализа ЭПК проявляется также в том, что «в деле выявления причин ЭПК зачастую излишняя важность придается различным факторам следственного характера, например, территориальным спорам как таковым, а также исторической памяти социальных групп» [2. С. 40]. Такое положение дел неминуемо отражается на разделе этнополитической конфликтологии, имеющим явственную прикладную ориентированность, – управлении ЭПК. «При изложении приемов управления ЭПК зачастую освещаются конкретно-прикладные меры без их привязки к общенаучным закономерностям. Как правило, внимание исследователей обращено на переговорные процессы, территориальные пересмотры и др., то есть, так или иначе, на конкретику управления ЭПК» [4. С. 126]. Последнее, в свою очередь, указывает на эмпиризованность управления ЭПК как научной отрасли, что прямо соотносится с указанными выше проблемами в развитии политологии.

Что касается собственно политологии, то одним из наиболее характерных результатов непродуктивности происходящих в ней изменений видится многообразие имеющихся на сегодня теорий демократии, являющихся в действительности только лишь концепциями (то есть совокупностями схожих мнений [1. С. 292]): от элитарной до партиципаторной [14. С. 146–161]. Причем из всего этого легиона наибольшее внимание своей откровенной антинаучностью привлекает концепция так называемой «электронной демократии» [14. С. 157]. Упомянутая концепция действительно принципиально не соотносится с устоями построения научной информации, поскольку ставит в непосредственную зависимость основополагающий компонент объекта научного исследования – совокупность социальных элементов, задействованных в реализации политических процессов, построенных в соответствии с канонами демократии, – от *средств*, которые используются соответствующими социальными элементами. Так, концепция «электронной демократии» теряет всякую связь с отражением *сущности* явления, изучением которого как раз и призвана заниматься политология, то есть политики: постановка во главу угла любой концепцией тех или иных средств, связанных с объектом исследования, грозит последней вырождением в *эмпиризованное описание*. Несколько обнадеживает в данном случае лишь мнение отечественных исследователей, которые «считают, что правильным было бы говорить об электронной инфраструктуре государственного и муниципального управления» [14. С. 158].

2. О «втором издании» старого институционализма

Сложившаяся в политологии ситуация, в целом, не должна расцениваться как нечто непредсказуемое. Рассматриваемый раздел науки оформился как относительно самостоятельное направление только в последней трети XIX в. [14. С. 43]. Но, отпочковавшись в свое время от философии, политология, вместе с тем, до сих пор не начала представлять

собой полностью сложившуюся научную отрасль. Даже в современных условиях «абсолютной границы между политической наукой и философией политики не существует, и политологи-специалисты в области изучения политики часто сочетают оба уровня анализа или используют достижения философии политики в качестве методологии специально-научного политологического исследования» [13. С. 624].

В то же время нельзя утверждать, что политология не соответствует фундаментальному критерию, которому должна отвечать любая полноценная научная отрасль и который состоит в обязательном наличии у таковой *объекта, предмета и методов исследования*. Политология – социальная (**но не гуманитарная!**) наука, поэтому для нее вопрос о систематизации методов исследования отнюдь не актуален: именно закономерности построения методологии социальных и гуманитарных наук в полной мере отвечают взглядам Пола Фейерабенда, которые лапидарно можно описать принципом «метод(-ы) – под исследование» [15]. Что касается объекта политологии, то он един для всех социальных наук (то есть экономики, политологии, социологии) и представляет собой некоторую социальную систему. Напротив – предмет политологии заведомо специфичен и являет собой всю совокупность процессов политической коллаборации, протекающих в соответствующей социальной системе.

С опорой на означенные характеристики всякой социальной науки уместно привести следующий тезис фундаментального характера: *любая социальная наука вырождается, путем замыкания на соответствующем предмете*. И, к сожалению, данная закономерность на сегодня политологии отчетливо присуща.

Начав в конце XIX в. отмежевываться от философии, политология уже проходила этап чрезмерного концентрирования на предмете, свойственный любой науке, претерпевающей становление. Данный период в развитии политологии получил название старый институционализм, в продолжение которого наука была заточена под исследование формально-правовых институтов [14. С. 43]. Вполне очевидно, что подобная направленность политологии того времени делала из нее отрасль с выраженной идеографической направленностью [7. С. 949]. И хотя далее, вслед за полным отрицанием старого институционализма после окончания Второй мировой войны [7. С. 948], политология совершила уход от заикленности на описании формально-правовых институтов, выход за рамки изучения исключительно процессов политического характера так и не стал свойственен политологии в должных масштабах [14. С. 44–49].

Указанная особенность политологии представляется априори слабым местом данной науки хотя бы потому, что «в условиях современной нации <...> политическая коллаборация всецело зиждется на коллаборации экономической и без таковой существовать принципиально не может» [3. С. 176]. Это, в свою очередь, означает, что политология, изучая политические процессы, обречена на комплексный анализ всей соответствующей социальной системы, по причине **заведомо следственного положения**

данных процессов, пусть даже на них политология, по определению, должна делать акцент.

В дальнейшем некоторые сторонние влияния середины–второй половины XX в. посеяли в политологии деградационные изменения, присовокупившиеся к сильному индивидуалистическому крену, присутствующему в данной отрасли со времен «поведенческой революции» 1920/1930-х гг. [7. С. 953]. Речь идет о вредоносном воздействии на не отошедшую до конца от философии политологию со стороны таких направлений, как экзистенциализм и феноменология. В итоге, современная политология все чаще демонстрирует полный уход от стремления выйти на те или иные номотетические положения, все больше соответствуя эмпиризированной идеографии. Исследования подобного рода настолько сильно противоречат канонам построения истинно политологического знания, что объединяющую их совокупность концепций и взглядов даже правомерно обозначить с помощью специфического термина **политография** (от греч. *πολιτική* – «совокупность [интересов] политов» + *γράφω* – «пишу, описываю»). И подобно тому, как в продолжение «первого издания» старого институционализма исследователи, изучавшие политические процессы, лишь занимались селективной ретрансляцией институтов формально-правового характера, ныне старый институционализм переживает «второе издание», поскольку преобладающие на сегодня в анализируемой научной отрасли исследования политографической природы, в целом, вписываются в одно из следующих двух направлений:

1) ретрансляция чьих-либо мнений, зачастую оторванная от реального статус-кво в затрагиваемой социальной системе. Данный вид политографии, таким образом, допустимо определить как *политографическая субъективистика*;

2) идеография отдельных фактов, связанных с системой политической коллаборации некоторого социума. Подобная разновидность политографии может быть названа *политографическим хроникерством*.

В данном случае стоит обратить особое внимание на несостоятельность политографии, в частности политографического хроникерства, при конструировании прогнозов, учитывая, что прогностическая функция есть одна из важнейших функций политологии как науки, напрямую затрагивающая вопрос о ценности соответствующих политологических исследований [8. С. 20]. Указанная особенность политографии не удивительна: политографы-хроникеры считают возможным выдавать те или иные прогнозы, основываясь при этом лишь на отдельных фактах, касающихся политических процессов в соответствующих социальных системах. Естественно, вероятность реализации таких прогнозов неизменно низка, с учетом того, что «основа предвидения в политике – *познание объективных закономерных тенденций в социальной и политической сферах жизни* (курсив наш. – В.В.), анализ реальной политической ситуации, ее определяющих противоречий и общественных сил» [8. С. 20].

Вспомним, как развивались события вокруг взаимоотношений Петра Порошенко и Игоря Коломойского в 2014–2015 гг. и какие прогнозы можно было встретить относительно того нарастающего противостояния. Уже после инаугурации П. Порошенко было высказано предположение о том, что И. Коломойский будет уволен с поста губернатора Днепропетровской области, поскольку он «открыто высказался <...> против мирного плана урегулирования ситуации на юго-востоке Украины, который разработал штаб Порошенко» [6], еще и организовав до этого, в апреле 2014 г., батальон «Днепр-1», брошенный против ополченцев Донбасса [6]. Тем не менее, И. Коломойский остался на посту. Однако это была лишь прелюдия активного обращения внимания со стороны политографии на тот конфликт.

Настоящий разгул прогнозов на основе политографического хроникерства начался после 19 марта 2015 г., когда Верховной Радой были приняты поправки в закон об акционерных обществах, лишившие И. Коломойского контроля над компаниями «Укрнафта» и «Укртранснафта», что ознаменовало инициацию четырехдневной «войны олигархов» [11; 12]. Уже 20 марта политограф, Тарас Загородний, заявил, что П. Порошенко «не сможет отправить Коломойского в отставку. Потому что это вызовет бунт в Днепропетровске» [16]. Далее, 21 марта, последовала прогностическая интерпретация объявленного президентом И. Коломойскому, обматерившему 20 марта у здания «Укртранснафта» журналиста «Радио Свобода», выговора опять же в духе боязни главы государства отправить губернатора в отставку [10]. Еще одной зацепкой для политографов, стремившихся доказать сохранение И. Коломойским своей должности, выступала связь губернатора с донбасскими ополченцами, доказывавшаяся предложением главы Донецкой народной республики, Александра Захарченко, создать еще один очаг сепаратизма – Днепропетровскую республику [9; 11]. Несмотря на все вышеперечисленное, вечером 24 марта П. Порошенко подписал указ об отставке И. Коломойского с поста губернатора Днепропетровской области, за чем не последовало никакого вооруженного сопротивления проигравшей стороны.

Таким образом, рассмотренный пример в некоторой степени указывает на научную несостоятельность политографии. Стоит сделать еще раз акцент на том, что последняя представляет собой лишь констатационное ретранслирование мнений и отдельных фактов, что не может служить достаточной основой для формирования истинно научной информации, по определению, имеющей номотетический, но никак не идеографический характер.

3. Краткий семантический критический анализ категории «дискурс»

Приведение выше тезиса о политографической субъективистике неминуемо ведет к необходимости рассмотрения такой категории, как «дискурс». Термином *дискурс* пестрят работы политографов-субъективистов, для которых данное понятие поистине представляет собой «священную корову». Вместе с тем, то патологическое разнообразие, которое можно

встретить по части использования термина *дискурс* в современной политологии, заставляет внести ясность в смысловое наполнение данного слова. Подобная проблема в очередной раз указывает на важность и полезность проведения семантического критического анализа категорий политологии, что подчеркивалось нами ранее [5].

В действительности семантика термина *дискурс* вполне однозначна и с политологией никак не связана, поскольку *дискурс* – это «речь, беседа как объект лингвистического изучения» [1. С. 203]. Таким образом, резонно задаться вопросом, как данный термин смог не только попасть в политологию, но и начать пользоваться таким колоссальным спросом со стороны политологов-субъективистов. Для получения ответа обратимся к семиотике данной категории.

Слово *дискурс* имеет французское происхождение (что чрезвычайно показательно – см. далее). Однако французское *discours*, в свою очередь, происходит от латинского *discursus* – «рассуждение» [1. С. 203]. При этом дословный перевод существительного *discursus* отличается от приведенной трактовки и выглядит намного более информативным. Прийти к нему позволит обращение внимания на присутствие в слове *discursus* одной из типично латинских приставок, *dis-*, имеющей значение «утраты, отсутствия» и семантически тождественной русской приставке *раз-(раз-)* [1. С. 202]. Что касается латинского слова *cursus*, от которого происходит русское *курс*, то его вполне допустимо перевести как «хождение» [1. С. 308]. Итак, дословная семантика термина *дискурс* – «расхождение».

Полученный результат объясняет очень многое, поскольку *дискурс* – это действительно «расхождение [во мнениях]». Принципиальная схема появления дискурса как итога совершения действий состоит в том, что некий политолог-субъективист вначале ретранслирует чужое(-ие) мнение(-ия), а затем добавляет к подобному идеографическому изваянию отражение своей позиции относительно того, что было ретранслировано. При этом бросается в глаза семантическая нацеленность слова *дискурс* именно на **расхождение** во мнениях, склоняющая политологов к нагромождению субъективной идеографии снова и снова. В этом обстоятельстве отчетливо улавливается проявление еще одной вредоносной доктрины современности – гуманизма, утверждающего, в том числе, о якобы заведомо существующей уникальности, свойственной всякому субъекту-человеку.

Семантический критический анализ категории «дискурс» не был бы полным, если мы не сделали бы в заключение акцент на французском происхождении данного термина. Подобный факт всецело соотносится с приведенными выше характеристиками затронутой категории, поскольку именно во французской философии уже упоминавшиеся экзистенциализм и феноменология начали безраздельно властвовать с середины XX в., даже породив так называемый нарративный (то есть идеографический) поворот в науке. Так что даже историческая и социально-географическая составляющие этимологии термина *дискурс* не идут вразрез с его семантикой.

В итоге, можно заключить, что повальное использование термина *дискурс*, имеющего выраженную идеографическую ориентированность, всецело соотносится с отраженными в настоящей статье тенденциями, характерными для политической науки сегодня.

Библиографический список

1. Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов. М.: Мартин, 2008. 704 с.
2. Васильев В. А. Анализ категориального аппарата этнологии и базовых причин этнополитических конфликтов // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. №6 (27): сб. стат. по матер. XXVII междунар. заоч. науч.-практ. конф. / Ответств. ред.: М. А. Васинович. М.: Международный центр науки и образования, 2014. С. 40–62.
3. Васильев В. А. Базовая схема управления этнополитическими конфликтами (Часть вторая. Историко-материалистические основания) // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. № 4 (44): сб. ст. по материалам XLIX Междунар. науч.-практ. конф. / Ответств. ред.: Н. Р. Красовская. М.: Интернаука, 2016. С. 155–179.
4. Васильев В. А. Базовая схема управления этнополитическими конфликтами (Часть первая) // Вестник Самарского университета. Серия «Экономика и управление». 2016. №1. С. 126–139.
5. Васильев В. А. Некоторые аспекты обоснования актуальности научных исследований по лексике политологии // Актуальные проблемы государственного и муниципального управления: матер. и докл. I Межд. науч. конф. / Под общ. ред. С. А. Мартышкина, С. А. Ключникова. Самара: Самарский университет, 2015. С. 34–37.
6. Верный М. СМИ: Порошенко отправит Коломойского в отставку // Московский комсомолец. 2014. 21.06. – <http://www.mk.ru/politics/2014/06/21/smi-poroshenko-otpravit-kolomoyskogo-v-otstavku.html> (дата обращения: 23.10.2016).
7. Жуковский А. Г. Специфические парадигмальные черты институционализма и возможности его применения в политологии // СИСП. 2012. №1 (09). С. 940–955.
8. Зеркин Д. П. Основы политологии. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 544 с.
9. Ивахненко В., Назарец Е. Порошенко и Коломойский. Война и победа. – <http://www.svoboda.org/a/26919921.html> (дата обращения: 25.10.2016).
10. Михайлов В. Порошенко побоялся отправить в отставку Коломойского: за площадную брань олигарх отделался выговором. – <http://www.politnavigator.net/poroshenko-poboyalsya-otpravit-v-otstavku-kolomojskogo-za-ploshhadnyu-bran-oligarkh-otdelalsya-vygovorom.html> (дата обращения: 25.10.2016).

11. Мошкин М., Балтачева М. «Отставка Коломойского – американское решение» // Взгляд. 2015. 25.03. – <http://vz.ru/politics/2015/3/25/736229.html> (дата обращения: 24.10.2016).
12. После инцидентов вокруг «Укрнафты» ряд ЧОПов на Украине лишат лицензии // Взгляд. 2015. 24.03. – <http://vz.ru/news/2015/3/24/736122.html> (дата обращения: 23.10.2016).
13. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук / Под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В. В. Миронова. М.: Гардарики, 2006. 639 с.
14. Теория политики / Под ред. Б. А. Исаева. СПб: Питер, 2008. 464 с.
15. Фейерабенд Пол. – http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/feierbendpol.php (дата обращения: 19.10.2016).
16. Якименко Н. Порошенко договорится с Коломойским – политолог. – http://gazeta.ua/ru/articles/politics/_poroshenko-dogovoritsya-s-kolomojskim-politolog/616276 (дата обращения: 24.10.2016).

*V. A. Vasiliev**

SOME ASPECTS OF THE PHILOSOPHICAL ASSESSMENT OF POLITICAL SCIENCE

The article presents the brief analysis of political science, from the standpoint of the history and philosophy of science. Is remarked a series of unproductive tendencies inherent in the evolution of this scientific branch, that at present has led to the total domination ideography in political science and to the considerable closure of this science on the subject of science. These facts were the basis for the presentation of the thesis of the "second edition" of the old institutionalism, and for the enter a new scientific term – politography, which are indicated the direction, that includes the majority of current research in the field of political science. As a supplements to the thesis of the politography is presented the brief semantic critical analysis of category "discourse".

Keywords: political science, politography, nomotetics, ideography, empiricism, the object of science, the subject of science, politographical subjecticaevalism, politographical chroniclership, discourse.

*© Vasiliev V.A, 2016

Vasiliev Vyacheslav Alekseevich - post-graduate student of state and municipal administration department of Samara University.